

рентности к другим. Это терпимость, снисходительность к кому- и чему-либо. Кант называл это свойством гражданской добродетели, уживчивостью. По мнению многих исследователей, этого качества не хватало первому Президенту РФ, как не достаёт сегодняшнему Президенту США Дж. Бушу и некоторым другим лидерам ведущих государств мира. Уживчивость позволяет не доводить разрешение конфликтов до насилия. Существенным её моментом является способность считаться с мнением других, даже переносить то, что противно, только для того, чтобы избежать насилия. Здесь необходим контроль со стороны общественного мнения, СМИ, призванных ограничить нетерпимых, которые без ненависти не могут переносить несовершенства других и становятся нетерпимыми сами. Однако для того, чтобы выполнять эту роль, средствам массовой информации также следует быть толерантными.

Миром должны управлять одаренные люди – с этим мнением ЮНЕСКО нельзя не согласиться. Об этом говорили и философы древности – Платон, Сократ. Так, Сократ утверждал, что цари и правители не те, которые умеют править. По мнению Аристотеля, необходимыми качествами людей, занимающих высшие должности, являются следующие: сочувствие существующему государственному строю, большая способность к выполнению обязанностей, сопряженных с обществен-

ной деятельностью. К сожалению, нашему обществу присущ низкий уровень политической культуры.

Недостаточно высоким оказался он и у «прорабов» перестройки реформ. Импульсивность, непредсказуемость, непомерные амбиции, мания величия оказались характерными для многих наших руководителей, в том числе ставших президентами бывших республик СССР. Не так просто трансформироваться из товарищей секретарей в «господ президентов». Если вообще это возможно.

Подготовка будущих политиков в стенах бывших ВПШ (ныне это Академия государственной службы при Президенте РФ), возможно, компенсирует недостаток образованных людей на поприще власти. Возможно, здесь уже учится один из будущих президентов страны. Сегодня мы видим новое, молодое, динамичное поколение политиков в Государственной Думе, правительстве, отличающееся многими из качеств, которых не доставало предыдущим поколениям. Это основательная подготовка в самых различных вузах, знание иностранных языков, этикета. Думается, они не будут пытаться обнять королеву Великобритании или другую царственную особу при встрече, пусть и демонстрируя при этом широкую русскую душу. Надо брать другим – интеллектом. Когда при встрече с представителями политической и деловой элиты Германии новый Президент России заговорил на хорошем немецком, публика воодушевилась...

М.А. Фадеева

КОЛОНИЯ И ТЕРПЕНИЕ: ВНУТРЕННИЙ НЕОКОЛОНИАЛИЗМ И ЭТНОПОЛИТИКА НА УРАЛЕ

Фадеева
Марианна
Альфредовна –
кандидат
философских
наук,
старший
научный
сотрудник
Института
философии
и права
УрО РАН

ных в них субъектов РФ. Так, Уральский экономический район включает в себя Республику Башкортостан, Удмуртскую Республику, Курганскую, Оренбургскую, Пермскую области, Коми-Пермяцкий автономный округ, Свердловскую и Челябинскую области. Уральский федеральный округ объединяет Курганскую, Свердловскую, Тюменскую области, Ханты-Мансийский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ, Челябинскую область. Это несовпадение подрывает этнорегиональную идентичность. Урал – это 4,8% территории РФ (824,4 тыс. кв. км), 13,8% общей численности населения страны (20,5 млн. человек).

Пара понятий «центр – регион», характеризующих отношения между федеральным центром и субъектами РФ, семантически нейтральна, она не проявляет сущность отношений между субъектами РФ. Довольно распространена другая парная пара «столица – провинция», заключающая в себе не только географический признак, но и уничтожительный для провинции ценностный смысл. Это распространено не только в обыденном сознании и повседневности: «уральская глубинка», «Ты что, с Урала?» (в смысле отсталости респондента); «Провинциальные танцы» (название танцевального коллектива) и т.д. Теоретическое

Тема федерализма в Российской Федерации, его асимметрии, отношений центра и регионов весьма дискутируема. Она имеет множество вариаций в зависимости от объекта отношения центра. Проблема усложняется в связи с несовпадением экономических районов, федеральных округов и вхо-

сознание и наука также находятся в рамках «провинциальной» парадигмы: провинция — все то, что находится за пределами столицы, местность, удаленная от культурного центра: Москва — столица, все остальное — провинция. Например, как провинция рассматривался Уральский федеральный округ на Всероссийской научно-практической конференции «Культура. Власть. Общество: Пути интеграции» (Екатеринбург, 2002 г.). Социология в «Уральской провинции» была представлена на Международной конференции «Социология в российской провинции: тенденции и перспективы развития» (Екатеринбург, 2003 г.). О региональной (уральской) культуре как культуре провинции говорилось на Всероссийской научно-практической конференции «Человек в мире культуры» (Екатеринбург, 2003 г.). На всем, что отдалено от столицы, лежит печать отсталости, подражательности и вторичности, которая порождает комплекс провинциальной неполноценности, так как столица находится между провинцией и остальным миром. Однако описание отношений между федеральным центром и Уральским регионом посредством понятий «столица — провинция» искажает реальность.

«Метрополия — колония» — понятийная пара, которая позволяет наиболее адекватно отобразить эти отношения. После распада Союза ССР политика Москвы в отношении Урала приобрела характер нового колониализма. Именно это и определяет сложность и противоречивость отношений между столицей и субъектами РФ, относящимися к Уральскому региону, входящими в УрФО.

Для нового колониализма есть исторические предпосылки. Как известно, еще до «татаро-монгольского ига» на Урал проникали посредством набегов представители «древнерусской народности» — «лица древнерусской национальности». Переселенческое движение усилилось в XII–XV вв., массовый характер приняло в XVI в. и особенно активизировалось в конце ХУП-начале XVIII вв. В основном, это были беженцы и вынужденные переселенцы. В условиях российского крепостничества все население территории без этнического разбора, род и инородцы, «коренные народы Урала» и рядовые русские «колонизаторы», было колонизованным, трудящимся и эксплуатируемым народом.

Урал до сих пор остается московской колонией, причем колонизация усиливается. Метрополия и колония относятся к обществам разных типов. Москва представляет собой постиндустриальное общество. Урал — общество индустриальное. Для него характерны: крупное машинное производство, развитие промышленности, расширение доли городского населения, распространение городского образа жизни, включающего в себя традиционные деревенские черты, на все слои населения; более половины населения занято в промышленности. Колонизация Урала с начала 90-х гг. XX века возобновилась и приобрела черты неоколониализма. Отношение Москвы и Урала может быть отнесено к модели «внутреннего колониализма», что находит выражение в экономическом, этнокультурном и политическом отношении.

В экономическом отношении это проявляется в наличии известных «признаков колониальной системы империализма». Урал для метрополии является источником сырья, рынком сбыта, сферой

приложения капитала, источником дешевой рабочей силы. Об этом же свидетельствует характер межбюджетных отношений. Регион-донор, за счет которого политически «самоопределяются» и поддерживают существование дотационные регионы, чем больше работает, тем хуже живет. То, что темпы роста уральской экономики выше, чем в среднем по России, означает лишь ускоренное «развитие недоразвитости» (термин А.Г. Франка). Современные колонизаторы — не какой-то этнос, не русские, как это до сих пор представляется частью этноцентрически ориентированной интеллигентской и политической элиты «коренных народов» колонизованных территорий. Современные колонизаторы — это социальная страта. Владельцами крупных промышленных, банковских, торговых предприятий являются жители метрополии, независимо от их этнической принадлежности. Управляют предприятиями автохтонные жители Урала, реже — переселенцы из доминирующего ядра. Такое же положение было при царизме, когда хозяева заводов жили в столице, не испытывая неудобств уральской колониальной жизни. Колониальное хозяйство Урала по-прежнему ограничено узкой номенклатурой первичных товаров и сырья. Урал представляет собой колонию в этнокультурном отношении, в своеобразной колониальной мере и способе реализации сущностных сил (способностей, потребностей, интересов, ценностей и целей) уральцев. Характерен относительный недостаток услуг. Уральцев отличает более низкий уровень жизни. Большее недовольство населения, носящее латентный характер, выражается в распространении алкоголизма и большем количестве потребления декалитров чистого спирта на душу населения, чем в Москве и в среднем по России. Важнейший показатель качества жизни — средняя продолжительность жизни уральцев, и мужчин, и женщин, также меньше, чем в среднем по России. Уровень жизни и образ жизни уральцев содержит черты особого этноса, колонизованного и эксплуатируемого. Население Уральского региона полиэтнично. В конце XVII века русские на Урале составляли меньшинство, с середины XIX в. на долю русских приходилось 3/4 населения. По переписи 1989 г. к русским себя относили 73% населения Урала, что меньше, чем в целом по России — 80,58%. В настоящее время пропорция примерно сохраняется, с некоторым уменьшением доли населения, этноидентифицирующего себя как русское. Полиэтничность в связи с тесной кроссэтнической коммуникацией, которая сопутствовала процессу модернизации Урала, привела к формированию у жителей региона черт сходства во внешнем виде, языке (в его диалектной форме), образе жизни и культуре, отличающих их от жителей Москвы и московской провинции — Центральной России. Несомненной представляется общность художественной уральской культуры и профессиональной, и народной. Она не является провинциальной (вторичной, подражательной, зависимой от культуры центра), но является колониально самобытной, сплавившей в себе черты целого ряда этнических туземных культур и культуры переселенцев, приобретшая черты городской культуры. Сверхразвитая на Урале пенитенциарная система и ее обитатели также накладывают отпечаток на культуру Урала: она приобрела устойчивый «зонарно-серый окрас».

Формальным свидетельством разности культур метрополии и колонии являются официальные мероприятия типа «Дни культуры Москвы в Екатеринбурге», «Дни культуры Свердловской области в Москве».

Уральцы представляют собой общность, имеющую признаки этноса, что фиксируется в самоназвании — этнониме «уральцы» и этническом самосознании, отражающем особые свойства народа, зафиксированные в этнических стереотипах. Этностереотипы сложились в отношении уральского характера. Главной чертой уральского характера является терпение, которое дополняется упорством, суровостью, крепостью, прямотошеством и почти первобытной простотой. Принято считать, что крепкое уральское здоровье позволяет быть уральцам особенно выносливыми. Очевидно, что этностереотипы, как укоренившиеся в сознании штампы, не обязательно адекватны действительности.

В политическом отношении внутри субъектов РФ, входящих в Уральский регион, сложилась своеобразная политическая система, акцентирующая этнополитическую общность на основе этнорегиональной идентичности. Однако региональные движения, например, общественно-политическое движение «За родной Урал!», вызывают у центра подозрение и недоверие. Стремление к политической самостоятельности, желание влиять на порядок распределения ресурсов в свою пользу расценивается как сепаратизм. Так, например, попытка создания Уральской республики рассматривается как один из трех типов внутренних конфликтов — статусный конфликт (А.Г. Здравомыслов), в основе которого находятся требования к расширению административно-управленческих полномочий в регионе, который не связан с интересами традиционно выделяемых этносов. В стремлении областей к «республиканизации» видится подрыв целостности России и непризнание авторитета Российского государства. Попытка территориального самоопределения в виде создания Уральской республики — это более чем попытка разрешения статусного конфликта. Это один из типов требований самоопределения, а именно: «антиколониальное самоопределение» (А. Йонгман, А. Шмид), когда население территории под колониальным правлением или чуждым господством настаивает на полной свободе или предоставлении большей политической власти. Российская модернизация всегда носила неорганический характер, была и остается модернизацией сверху. Эта закономерность сказалась и в отношении инициированной сверху Уральской республики. Особенности уральской политической культуры, индустриальной по историческому критерию, демократической по политической ориентации, более относящейся к консенсусной, чем к конфликтной и конфронтационной, менее склонной к патерналистским иллюзиям по отношению к власти, отличающейся всем этим от государственно-патриархальной общероссийской политической культуры, являлись предпосылкой для становления уральцев в качестве субъекта самоопределения. Уральцы как колониальный этнос в обществе преодоления, решавший проблемы выживания, не стали субъектом этого движения.

Итак, в экономическом, этнокультурном, политическом отношении Урал продолжает оставаться

колониальным краем. Колонии отводится «инструментальная роль», ее развитие не имеет собственного смысла, зависит и определяется метрополией и используется ею в качестве ценности-средства. Строки из поэмы «За далью — даль» известного советского поэта А. Твардовского: «Урал — опорный край державы, ее добытчик и кузнец, ровесник древней нашей славы и славы нынешней творец», могут быть вычленены как «дискурсивная формация», которая характеризует использование этого культурного стереотипа в качестве средства легитимации сложившегося отношения колониальной зависимости и подчинения Урала Москвой. Однако чем последовательнее и жестче будет проводиться центром подобная политика, тем более Урал будет отдаляться от Москвы. В результате его хищнической эксплуатации, ведущей к истощению природных (недра земли и лес) и человеческих (антропологических, интеллектуальных, политических) ресурсов, он перестанет быть «опорным краем державы». Следствием сосредоточения финансовых средств в метрополии (70% всех финансов страны находится в Москве) является обнищание колонии. Отношения между метрополией и колонией, по мере ухудшения положения последней, все более будут восприниматься уральцами как несправедливые и нелегитимные. Уральское терпение начинает испытывать чрезмерный прессинг новой колонизации.

Резюме. Ни «центр — регионы», ни «столица — провинция» не характеризуют отношения между Москвой и Уралом. Модель внутреннего колониализма, понимание этих отношений как «метрополия — колония» позволят до конца понять всю их противоречивость. Она позволяет понять причины сохранения отсталости в индустриальном обществе, тенденции дезинтеграции в РФ, отсутствие гражданского согласия. До тех пор, пока будет существовать «равноправие неравных», — закрепленная Конституцией РФ равноправие всех субъектов РФ при их статусном, экономическом, территориальном, ресурсном, этнодемографическом неравенстве, проблемы российского федерализма, влекущие за собой внутреннюю слабость России, будут сохраняться. Вряд ли для оправдания существования в РФ «республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов» подойдет русская пословица: «Хоть горшком назови, только в печь не сажай». Как бы ни пыталась метрополия уйти и от «губернизации» республик, и от «республиканизации» областей, как бы ни пыталась утверждать наличие территориальных и этнотерриториальных образований в качестве специфики российского федерализма, придется выбирать единое основание для административно-территориального деления. Иначе Россия столкнется с антиколониальным самоопределением и национально-освободительным движением в бывших колониях Российской империи, оставшихся в ее современных границах. Чтобы российский федерализм перестал быть проблематичным, нужно, чтобы прошел процесс внутренней деколонизации, в ходе которого самоопределяться будет не тот или иной этнос, а демос — все население колонизованных территорий. Урал представляет собой образец толерантной кроссэтнической коммуникации и этнополитических процессов для России в целом, но терпение уральцев не бесконечно.